

ПАМЯТИ ГОТТФРИДА ШРАММА
(11.01.1929 – 26.10. 2017)

Долгая тяжелая болезнь и возраст взяли свое: на 89-м году ушел из жизни немецкий историк Готтфрид Шрамм.

Далее должна бы последовать краткая характеристика научного профиля покойного (выдающийся медиевист, славист, русист, полонист или т. п.), но тут перо останавливается в затруднении, потому что Г. Шрамм был фигурой не просто крупной, не вмещавшейся в границы привычной цеховой рубрики, но и далеко превышавшей лимиты собственно исторического. Профессиональный филолог, которому было тесно в пределах чисто лингвистической диахронии и которому за языковым фактом всегда хотелось нащупать плоть живой истории? Да, конечно. Профессиональный историк, который понимал, как много для него и его коллег открывается при внимательном, лингвистически-вышколенном взгляде на слово, имя, особенно на этноязыковом пограничье? Несомненно. В лице Г. Шрамма наука имела деятельного представителя некогда немногочисленного, ныне же практически совершенно вымершего племени исследователей с бинокулярным историко-филологическим (или *vice versa* филолого-историческим) зрением. В наше время, когда о междисциплинарности и комплексности говорят на перекрестках, но до практической цели, чаемой в сухом лозунге «восстановление историко-филологического единства», по-прежнему далеко, как до горизонта, историки (все же историки!) масштаба Г. Шрамма не просто редкость, они производят впечатление монументальных останков какой-то ушедшей цивилизации. Но в глазах самого обладателя волшебной лупы – это важно подчеркнуть – задача овладения лингвистическим инструментарием с самого начала стала принципиальным требованием к медиевистике, которое он настойчиво предъявлял, не смущаясь указывать на упущенные возможности даже старшим и в то время куда более именитым коллегам¹.

И вообще, *крупность* – пожалуй, наиболее подходящее определение для личности Г. Шрамма в целом, от науки до внешнего облика и даже быта. Когда автор этих строк сентябрьским днем далекого 1990 года, погрузив потрепанный чемодан в багажник таксомотора у вокзала университетского города Фрайбурга, назвал водителю адрес *Theresienstrasse 6* (кажется, 6), тот взглянул на клиента с заметным и несколько обидным недоверием. Причина стала ясна вскоре, когда, прокатив мимо ряда осанистых особняков, такси остановилось у решетки ворот, за которыми возвышался дом с кариатидами и маячила глубина парка. Надо ли говорить, что отворивший дверь эфиоп, хоть и не ливрейный, способен был dokonать неподготовленного визитера. Видимо, схожее чувство испытал через два-три года мой десятилетний сын, когда проем входной двери московской пятиэтажки заслонила монументальная фигура пришельца и прозвучало определение, для русского уха (да, думается, и вообще славянского) до сего дня не лишнее полумифологических коннотаций, – «немец».

В науке среди проявлений этой крупности формата есть и такие, суждение о которых резонно оставить за пределами краткого некролога, тем более что его автор не всегда чувствует себя для того достаточно компетентным. Так, начав с защищенной в 1953 году в Гёттингене и опубликованной через четыре года (под измененным названием) чисто филологической диссертации о германских двусоставных личных именах [Schamm, 1957], Г. Шрамм замкнул круг трудов книгой, само название которой – «Пять развилок мировой истории» [Schramm, 2012] – настойчиво отсылает ни много ни мало к *Achsenzeiten* («осевым временам») К. Ясперса. Еще и поэтому сосредоточимся в нашем прощальном отзыве на работах, прикосновенных к проблематике журнала, который читатель держит в руках, – восточноевропейской древности и русско-славянскому Средневековью. Их очень много, и они разные.

В памяти до сих пор живо счастливое чувство свежести и новизны, углубленного дыхания и жадного ожидания после первого знакомства со статьями Г. Шрамма на древнерусскую тему, которые стали

1 «Если историк, как Г. Лябуда, пусть и обладая основательной медиевистической выучкой, не способен вполне самостоятельно анализировать языковую сторону дела, он вряд ли вправе рассчитывать на прочный результат» [Schramm, 1965, S. 3; перевод наш. – А. Н.]. Критика вращалась вокруг ряда сюжетов из двух вышедших одновременно и косвенно взаимосвязанных книг: [Labuda, 1961a; Labuda, 1961b].

регулярно выходить в 1980-е годы: об именах Рюрика с братьями [Schramm, 1980], о скандинавских названиях северных древнерусских городов [Schramm, 1982a; Schramm, 1987a; Шрамм, 1994; Шрамм 1997a; Schramm 2001] и тут же – о северопричерноморских ойконимах древнерусского времени [Schramm, 1987b], о скандинавском названии Киева [Schramm, 1984a], конечно же, – о пресловутых варягах [Schramm, 1983a] и, совершенно неизбежно, – об имени *Русь* [Schramm, 1982b]. Все это были сумеречные углы древнейшей русской истории, в которые, порой на удивление ярко, вторгался луч ономастического фонарика. Автор двигался последовательно и широким фронтом: на древнерусских сюжетах поверялись и отгачивались идеи, методы и инструментарий, которые десятилетием ранее были развиты применительно к юго-востоку Европы эпохи переселения народов (см. итоговую в этом отношении книгу: [Schramm, 1981]). Или, может быть, даже еще более интересно: возвращение в Восточную Европу стало своего рода реконкистой ее, уже древнерусского, ландшафта, после того как логика исследователя, поучительно повторяя маршруты смятенных народов между Античностью и Средневековьем, увела его от восточноевропейских древностей [Schramm, 1973; Schramm, 1974] к балканским. И в самом деле, вряд ли на территории большой Европы найдутся другие регионы, этническая сверхпестрота которых давала бы столько простора для межъязыкового взаимодействия и массового выпадения языковых окаменелостей – основного материала в лаборатории Г. Шрамма.

Проложить, а вернее, уловить тропинки среди этих россыпей – дело непростое, и вполне понятно, что идущий на ощупь время от времени забредал в тупики. Когда в начале 1990-х шла работа над русским переводом книги 1973 года о северопонтийских реках, переводчик не переставал удивляться, как много из первоначального, немецкого, противня бывало безжалостно вымарано. Почта, а чаще – обычные для той поры оказии то и дело доставляли очередные пакеты с рукописью, в которой выстриженные ножницами лакуны в типографском тексте были заполнены размашистым, порой многостраничным, курсивом (работал автор быстро, не тратя времени на машинопись). Поспевать было нелегко, но возможность следить за живым ходом исследовательской мысли, а иногда и участвовать в нем (критика не отвергалась) компенсировала все.

Но самое сложное – прозреть в хаотической пестроте закономерности и организовать ее в общую картину, фрагмент исторической мозаики. Когда это получалось, рождались настоящие открытия. К таковым мы относим, например, обнаружение древнесеверопонтийского гидронимического пласта («das histo-danuvische Namenstratum», в авторской терминологии), который проявлялся в том, что разноязычная многоименность крупных северных притоков Черного моря в зависимости от пересекавшихся ими ландшафтных зон демонстрировала языковое единство внутри каждой из них [Schramm, 1971; Schramm, 1973, S. 21–81; Schramm, 1979; Шрамм, 1997, с. 17–55]. Этот фундаментальный факт дает прочную основу для гипотезы о достаточно ранних широтных коммуникациях внутри «славянской» лесной зоны от Днепра до Дуная, удивительно точно коррелируя как с археологическим ареалом пражско-корчакской культуры, так и с данными об устойчивых контактах между среднеднепровским и среднедунайским регионами, характерных уже для самой ранней Руси IX века [Назаренко, 1994, с. 20–61, особенно 40–41].

Сам первооткрыватель не возражал против подобного использования своих результатов, но ему были дороже некоторые другие важные следствия его схемы – в частности, реконструкция названия лесного, «славянского», участка Днепра как **Slovęť-* (или с носовым *o* во втором слоге) с последующим производением от этой гидронимической основы этника *slověne* [Schramm, 1973, S. 104–113; Шрамм, 1997, с. 68–73]. Хотя, надо признать, нащупать надежный морфологический мостик между двумя этими именами исследователю не удалось, достаточно очевидная этимологическая связь между ними стала исходным пунктом для локализации им именно в лесном Поднепровье пресловутой «прародины» славян накануне эпохи переселения народов. В конечном итоге это вылилось в цельную историко-филологическую картину славянского расселения в Восточной и Центральной Европе в V–VII веках [Schramm, 1997, S. 125–274], которая объединила в себе такие разрозненные темы, как готско-славянские культурные контакты [Schramm, 1984b; Schramm, 1997, S. 125–144], происхождение древнейшей славянской церковной лексики (вроде слав. **cъrky*, **krъstъ*), с точки зрения Г. Шрамма, балканское [Schramm, 1986b; Schramm, 1997, S. 241–265], различные пути выхода отдельных славянских групп к Дунаю (проблема дублета **Dunavъ* : **Dunajъ* в славянских языках) [Schramm, 1997, S. 209–226], и многое другое.

В полной мере оценить достоинства и недостатки этого впечатляющего полотна науке еще предстоит.

И то, что такой оценки пока, спустя два десятилетия, насколько нам известно, нет, свидетельствует о факте прискорбного одиночества ученого: яркий и необычный историко-филологический реконструктивизм Г. Шрамма по-прежнему непонятен историкам (по непрозрачности для них исследовательского метода) и подозрителен для лингвистов, которые при рассмотрении этногенетических проблем привыкли действовать в рамках более стандартных процедур сравнительного языкознания. Да и сам реконструктивизм с его преданностью концепту «исторической реальности» в эпоху постмодернистского тотального релятивирования любого «текста» слишком многим кажется архаическим пережитком. Вот и в родном Фрайбургском университете (*Albert-Ludwigs-Universität*) среди довольно многочисленных учеников (и как им не быть, если учитель почти тридцать лет, с 1965 по 1994 год, возглавлял кафедру новой и восточноевропейской истории), похоже, не нашлось преемников его интереса к древности и развитой в связи с этим экзотической и хлопотной методике; все предпочли более обычную академическую стезю. Впрочем, ведь и в научном наследии самого Г. Шрамма проблемы древности и раннего Средневековья количественно вовсе не преобладают, куда больше места занимают другие главные для ученого интересы: к польской истории эпохи Реформации, истории России XIX–XX столетий. Так что при общем взгляде могло бы даже показаться, что лингвистические прогулки среди античных или средневековых руин – всего лишь причуда немецкого профессора-эрудита.

Уверены, что это не так.

Исследовательский метод Г. Шрамма, открывая новые пути, чреват для своего адепта, как нам видится, и некоторыми опасностями. Он рождает приятное чувство пионера и первопроходца, которое, заметим, в полной мере было присуще Г. Шрамму. Но, находясь в постоянной методической оппозиции к конвенциональной исторической науке, привыкая к непониманию с ее стороны, ученый почти невольно усваивает себе право в свою очередь игнорировать ее результаты. Это не слишком заметно, когда речь идет об эпохах, в отношении которых обычная история в силу недостатка традиционных источников затрудняется в построении общих гипотез и/или наполнении последних конкретным материалом, – например, об эпохе переселения народов. В таких случаях метод Г. Шрамма при условии грамотного применения способен обеспечить научные прорывы. Совсем иное дело, когда историческое поле оказывается уже достаточно обильно вспахано предшественниками, работавшими в рамках довольно деликатных исследовательских методик, – например, летописной текстологии в случае Древней Руси. Здесь принципиальное игнорирование уже сделанного наукой в надежде на универсальность своего метода напоминает смелость лозоходца на минном поле. У Г. Шрамма с самого начала занятий ранней Русью были определенные представления об исторических обстоятельствах, которые порождали исследуемые им лингвистические факты: [Schramm, 1981b; Schramm, 1983b]. Поэтому блок «древнерусских» работ, очевидно, должен был рано или поздно вылиться в монографическое обобщение: [Schramm, 2002]. Здесь не место возвращаться к нашей критике этой книги: [Назаренко, 2006]; резкость рецензента, быть может, кое-где чрезмерная, была ведь ответной на незаслуженно резкие авторские оценки весьма достойных персон отечественной историографии, которая в целом представлялась автору, как видно, досадным завалом на пути к истине. Скажем только, что книга Г. Шрамма о Древней Руси, увы, и сейчас видится нам неудачей, несмотря на целый ряд отдельных находок.

Не желая заканчивать на спорном, вернемся к уместной в некрологе лирике. В полушутку покойный любил относить себя к последним славянофилам, и ему нравилось, когда его именовали на русский манер Богумир Эрнестович (он был сыном известного медиевиста, одного из основоположников ныне столь модной имагологии и исследователя *Reichssymbolik* Перси Эрнста Шрамма). Кафедральные посиделки носили самый непринужденный характер, и, думаем, если бы кто-либо подарил хозяину русский самовар, тот был бы немедленно водружен посреди стола. Замечательно, что интерес к русской истории сопровождался у исследователя вниманием к русской словесности (!) (его работы на эти темы собраны в сборнике [Schramm, 2008]). Удивив однажды своего русского собеседника длиной (причем не самой хрестоматийной) изустной цитатой из Есенина:

«То не ветер бродит за овином
И не холод.
Замесила Божья Матерь сыну
Колоб» и т. д., –

он усугубил впечатление, поведав о том, как познакомился с этими стихами. Да, их можно было почерпнуть в любом более или менее полном собрании, но история оказалась совсем не тривиальной: некогда молодой ученый услышал их от своего соотечественника, который, в свою очередь, затвердил их со слуха в русском плену. Записанные от руки на листочках стихи, помнится, были анонимны. О, великая русская литература... Беллетристическая начитанность не прошла без следа для историка: у Г. Шрамма был слог, и его научные писания отнюдь не были лишены определенного литературного изящества.

Вряд ли историко-филологические штудии Г. Шрамма когда-либо обретут широкую популярность — они для этого слишком элитарны. Но в чем мы ни минуты не сомневаемся: отличающиеся неповторимым исследовательским почерком, неизменно оригинальные по методу и яркие по форме, они будут читаться и перечитываться еще не одним поколением историков славянства и Руси. *Exegit monumentum...*

Литература

Назаренко А. В. Русь и Германия в IX–X вв. // Древнейшие государства Восточной Европы. Материалы и исследования. 1991 год. М., 1994. С. 5–138.

Назаренко А. В. Новый свет на происхождение Древней Руси? (О последней книге проф. Г. Шрамма) // Средневековая Русь. М., 2006. Вып. 6: К 60-летию академика Л. В. Милова. С. 341–370.

Шрамм Г. Реки Северного Причерноморья. Историко-филологическое исследование их названий в ранних веках / Пер. полностью переработ. издания А. В. Назаренко. М., 1997. (Взгляд издалека. Немецкие историки о прошлом Восточной Европы. Т. 1.)

Шрамм Г. Ранние города Северо-Западной Руси: исторические заключения на основе названий // Новгородские археологические чтения. Материалы научной конференции, посвященной 60-летию археологического изучения Новгорода и 90-летию со дня рождения основателя Новгородской археологической экспедиции А. В. Арциховского (Новгород, 29 сентября – 2 октября 1992 г.). Новгород, 1994. С. 145–150.

Шрамм Г. Роль города Коростень в ранней истории Руси. Этимологические подходы к историческим проблемам // Древнейшие государства Восточной Европы, 1999 г.: Восточная и Северная Европа в средневековье. М., 2001. С. 255–262.

Labuda G. (wyd.) Źródła skandynawskie i anglosaskie do dziejów Słowiańszczyzny. Warszawa, 1961. (Fontes origines Polonorum illustrantes. Fontes septentrionales. Vol. 1.) [Labuda, 1961a]

Labuda G. Źródła, sagi i legendy do najdawniejszych dziejów Polski. Warszawa, 1961. [Labuda, 1961b]

Schramm G. Namenschatz und Dichtersprache. Studien zu den zweigliedrigen Personennamen der Germanen. Göttingen, 1957. (Ergänzungshefte zur Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiet der indogermanischen Sprachen. Nr. 15.)

Schramm G. Horizonte geographischen Wissens von Osteuropa im Spiegel der Namenüberlieferung. Eine Kritik an zwei Arbeiten Gerard Labudas // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1965. Jg. 13. S. 1-18.

Schramm G. Flussnamenphilologie als Hilfswissenschaft der osteuropäischen Geschichte // Freiburger Universitätsblätter. Freiburg im Breisgau, 1971. März. Heft 31. S. 11-16.

Schramm G. Nordpontische Ströme. Namenphilologische Zugänge zur Frühzeit des europäischen Ostens. Göttingen, 1973.

Schramm G. Die nordöstlichen Eroberungen der Russlandgoten (Merens, Mordens und andere Völkernamen bei Jordanes XXIII 116) // Frühmittelalterliche Studien. Jahrbuch des Instituts für Frühmittelalterforschung der Universität Münster. Berlin; New York, 1974. Bd. 8. S. 1-14.

Schramm G. Alteuropas nordpontische Namenlandschaft // Indogermanische Forschungen. Zeitschrift für Indogermanistik und allgemeine Sprachwissenschaft. Berlin; New York, 1979. Bd. 84. S. 62-78.

Schramm G. Die erste Generation der altrussischen Fürstendynastie. Philologische Argumente für die Historizität von Rjurik und seinen Brüdern // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1980. Jg. 28. S. 321-333.

Schramm G. Eroberer und Eingesessene. Geographische Lehnnamen als Zeugen der Geschichte Südosteuropas im ersten Jahrtausend n. Chr. Stuttgart, 1981. [Schramm, 1981a]

Schramm G. Gentem suam Rhos vocari dicebant. Hintergründe der ältesten Erwähnung von Russen (a. 839) // Ostmitteleuropa. Berichte und Forschungen. Festschrift für Gotthold Rhode. Stuttgart, 1981. S. 1-10. [Schramm, 1981b]

Schramm G. Normannische Stützpunkte in Nordwestrussland. Etappen einer Reichsbildung im Spiegel der Namen // Beiträge zur Namenforschung. Neue Folge. Heidelberg, 1982. Bd. 17. S. 274-289. [Schramm, 1982a]

- Schramm G.* Die Herkunft des Namens *Rus'*: Kritik des Forschungsstandes // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. Berlin; Wiesbaden, 1982. Bd. 30. S. 7-49. [Schramm, 1982b]
- Schramm G.* Die Waräger: osteuropäische Schicksale einer nordgermanischen Gruppenbezeichnung // Die Welt der Slaven. Halbjahresschrift für Slavistik. München, 1983. Jg. XXVIII (Neue Folge VII). S. 38-67. [Schramm, 1983a]
- Schramm G.* Fernhandel und frühe Reichsbildungen am Ostrand Europas. Zum historischen Einordnung der Kiever Rus' // Staat und Gesellschaft in Mittelalter und Früher Neuzeit. Gedenkschrift für Joachim Leuschner. Göttingen, 1983. S. 15-39. [Schramm, 1983b]
- Schramm G.* Die normannischen Namen für *Kiev* und *Novgorod* // *Russia Mediaevalis*. München, 1984. T. V, 1. S. 76-102. [Schramm, 1984a]
- Schramm G.* *Cēsarь* „Kaiser“, **gudvabь* „Seidenstoff“ und weitere Niederschläge einer Ersatzdehnung von *ā* im Gotischen // Die Welt der Slaven. Halbjahresschrift für Slavistik. München, 1984. Jg. XXIX (Neue Folge VIII). S. 268-294. [Schramm, 1984b]
- Schramm G.* Sechs warägische Probleme // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. Neue Folge. Wiesbaden, 1986. Jg. 34. S. 363-371. [Schramm, 1986a]
- Schramm G.* Balkanische Anfänge eines christlichen Wortschatzes der Slaven: **cьrky* „Kirche“ und **krьstь* „Christus, Kreuz, Taufe“ // Zeitschrift für slavische Philologie. Heidelberg, 1986. Bd. XLV. S. 58-94. [Schramm, 1986b]
- Schramm G.* Ein Beitrag der Namenphilologie zur Rekonstruktion des normannischen Stützpunktsystems in Russland // Untersuchungen zu Handel und Verkehr der vor- und frühgeschichtlichen Zeit in Mittel- und Nordeuropa. Göttingen, 1987. Teil IV: Der Handel der Karolinger- und Wikingerzeit. Bericht über Kolloquien der Kommission für die Altertumskunde Mittel- und Nordeuropas in den Jahren 1980 und 1983. S. 745-757. [Schramm, 1987a]
- Schramm G.* Altrusslands Anfänge und die Nordhäfen des Schwarzen Meeres: Historische Aufschlüsse aus Ortsnamenentlehnungen // *Russia Mediaevalis*. München, 1987. T. VI, 1. S. 7-29. [Schramm, 1987b]
- Schramm G.* Korosten' in der Frühgeschichte der Rus': ein Ortsname als historische Quelle // *Russia Mediaevalis*. München, 1997. T. XI, 1. S. 35-42. [Schramm, 1997a]
- Schramm G.* Ein Damm bricht. Die römische Donaугrenze und die Invasion des 5.-7. Jahrhunderts im Lichte von Namen und Wörtern. München, 1997. (Südosteuropäische Arbeiten. Bd. 100.) [Schramm 1997b]
- Schramm G.* Altrusslands Anfang. Historische Schlüsse aus Namen, Wörtern und Texten zum 9.-10. Jahrhundert. Freiburg (Breisgau), 2002. (Rombach Wissenschaften. Reihe Historiae. Bd. 12.)
- Schramm G.* Von Puschkin bis Gorki. Dichterische Wahrnehmungen einer Gesellschaft im Wandel. Freiburg (Breisgau), 2008. (Rombach Wissenschaften. Reihe Historiae. Bd. 159.) [Schramm, 2008]
- Schramm G.* Fünf Wegscheidungen der Weltgeschichte. Ein Vergleich. Göttingen, 2012.